

Выборные процедуры и партийно-политические системы: международное измерение

*Интервью с Борисом Макаренко, кандидатом политических наук,
президентом Центра политических технологий, профессором Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»*

*Борис Игоревич Макаренко – российский политолог, эксперт по проблемам
электоральных процедур и институтов, партийного строительства и трансформации
политических режимов.*

*Беседу вел С.М. Маркедонов,
главный редактор журнала «Международная аналитика»*

С.М. Маркедонов. В одной из своих публикаций Вы анализируете такие функции выборов, как формирование политической нации, легитимация государственных институтов, гражданское представительство во власти¹. На Ваш взгляд, как эти функции, имеющие основополагающее значение для внутренней политики любого государства, способствуют продвижению интересов на международной арене?

Б.И. Макаренко. Для продвижения внешнеполитического курса власти нужны внутривнутриполитическая легитимность, сильные институты и доверие общества. Но разные политические режимы добиваются этого (когда-то успешно, когда-то – не очень) разными способами. Высокой легитимностью и дееспособностью (и активной внешней политикой) могут отличаться и авторитарные диктатуры, и монархии, и теократии – последние подходят под веберовские типы харизматической и традиционной легитимности². Так что веберовская рационально-легальная легитимность, каковая достигается на справедливых выборах, – лишь один из таких типов. Корректнее было бы говорить, что там, где выборы

1 Макаренко, Б.И. Выборы: функции и влияние на политические институты // Политическая наука. 2019. № 1. С. 13–32. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.01>.

2 Weber, Max. *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press, 1978.

и смена власти через них – давно привычное явление, подобная легитимность – непереносимое условие обретения и отправления власти, как во внутренней, так и во внешней политике.

Но и эту очевидность не стоит абсолютизировать: современное общество, особенно в развитых странах, очень скептически и критично в отношении «власть предержащих». В начале второго срока президентства у Д. Трампа отрицательный рейтинг всегда был выше положительного, при этом устойчивое большинство американцев считало, что дела в стране развиваются в неправильном направлении¹, но это не мешало президенту проводить активную внешнеполитическую линию.

Не будем давать длинных объяснений, почему у него это получается. Ограничимся наблюдением известных специалистов по общественному мнению²: во внешней политике власть, в том числе демократически избранная, имеет гораздо большую свободу действий от своего общества, чем во внутренней. Большая часть внешнеполитических событий и действий не затрагивает напрямую жизнь простых людей. Они меньше знают и меньше интересуются тем, что происходит в дальних странах, а потому склонны отдавать «внешние дела» на откуп профессиональным политикам. Исключений из этого правила немало, и о них стоит поговорить, но в большинстве случаев это так.

Это не означает, что общество не имеет позиций по внешнеполитическим проблемам, уж во всяком случае люди точно знают, кто во внешнем мире – друзья, кто – враги (при этом наборы «друзей» и «врагов» могут различаться в разных частях политического спектра). Базовое понимание политического плюрализма исходит из того, что многопартийные системы основаны на значимых общественно-политических размежеваниях, число и набор которых различаются от страны к стране³. Если взять обобщение таких размежеваний по 36 демократиям, сделанное А. Лейпхартом в конце XX в., то мы обнаружим, что наличие размежевания по внешнеполитическим проблемам присуще 11 из них. Это немало, но реже, чем главные размежевания (в первую очередь – социально-экономическое, наблюдаемое практически во всех странах). К тому же А. Лейпхарт делит все размежевания на «высокозначимые» и «умеренно значимые», а статус «высокий» внешняя политика имеет только в одной стране его выборки – Израиле⁴.

Поскольку речь идет о воздействии внешнеполитических факторов на выборы, нельзя не упомянуть еще об одном аспекте: как они влияют на предвыборную конкуренцию. А ее непереносимая часть – жесткая полемика, а порой – стремление скомпрометировать своего конкурента. «Внешние» темы редко дают удобный повод для таких нападков, но исключения есть. В 2000 г. кампания Дж. Буша-младшего активно критиковала вице-президента А. Гора за его «потакание» России (А. Гор был сопредседателем Российско-американской комиссии

1 "President Trump Job Approval," RealClear Polling, accessed December 25, 2025, <https://www.realclearpolling.com/polls/approval/donald-trump/approval-rating>; "Direction of Country," RealClear Polling, accessed December 25, 2025, <https://www.realclearpolling.com/polls/state-of-the-union/direction-of-country>.

2 Page, Benjamin I., and Robert Y. Shapiro. *The Rational Public: Fifty Years of Trends in Americans' Policy Preferences*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

3 Lipset, Seymour M., and Stein Rokkan. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press, 1967.

4 Lijphart, Arend. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven: Yale University Press, 1999.

по экономическому и технологическому сотрудничеству, известной как «Гор – Черномырдин»), и резонанс эта критика имела. Трудно сказать, сыграл ли этот фактор свою роль в поражении А. Гора, но разрыв между кандидатами был минимальным, так что исключать этого нельзя. А на дебатах перед вторым туром президентских выборов во Франции в 2022 г. Э. Макрон настойчиво пытал свою оппонентку М. Ле Пен об иностранном финансировании ее кампании и явно набирал на этом очки. Конечно, цель таких приемов – не продвижение внешнеполитических интересов страны, а победа над оппонентом, но трудно упрекать политиков в том, что они воспользовались выигрышной картой.

С.М. В политических процессах все взаимосвязанно. В каких случаях выборы влияют на внешнеполитическую повестку (и не просто влияют, а радикально ломают прежние тренды)? Как и в чем проявляется обратная взаимосвязь?

Б.М. Попробуем сформулировать общее правило. Внешнеполитические события и процессы влияют на общественные настроения, включая электоральные предпочтения, в двух случаях. Либо это событие такой ошеломляющей значимости, что на него реагирует практически все общество, либо это процесс, в котором внешнеполитическое измерение существенно влияет на жизнь большинства людей, а потому позиция по нему правящей партии / лидера и их оппонентов становится неотъемлемой частью их внутривнутриполитической повестки.

Примеры первого фактора разнообразны. Есть случаи, когда события «на внешнем фронте» приводят к резкому росту популярности власти. Например, победная для Великобритании война на Фолклендских островах (1982) позволила консерваторам во главе с М. Тэтчер успешно переизбраться (до войны они уступали в рейтингах своим оппонентам). Обратная ситуация: легитимность победы Дж. Буша-младшего в 2000 г. ставилась под сомнение: он уступил своему сопернику по числу голосов избирателей (чего не случилось в США с 1888) – но теракты 11 сентября 2001 г. подвигли общество к сплочению вокруг своего главнокомандующего, и при перевыборах в 2004 г. он получил уверенное большинство.

Но более часты другие примеры, когда неудача во внешнем мире обрекает власть на поражение на выборах. Так, в современной истории США два президента не стали выдвигать свои кандидатуры для перевыборов по схожим причинам – резкой непопулярности войн США в Корее (Г. Трумэн в 1952) и Вьетнаме (Л. Джонсон в 1968), но и иные кандидаты от их партии проигрывали эти выборы – избиратель «наказывал» не только лидера, но и его партию. Аналогичное «наказание» сыграло немалую роль в прерывании карьеры еще двух президентов, которым общество не простило падения Сайгона (Дж. Форд в 1980) и Кабула (Дж. Байден в 2024).

Не могу не привести еще один пример. В Испании в 2004 г. за три дня до выборов правящая Народная партия уверенно опережала по рейтингам социалистов. Но произошли взрывы в пригородных поездах (193 погибших, 2 тыс. раненых). Правительство публично возложило вину на баскских сепаратистов, но быстро выяснилось, что теракты – месть исламских экстремистов за участие Испании в войне в Ираке – и «Народники» проиграли выборы с отрывом в пять пунктов. Чем этот пример интересен: «триггер» резкого перелома общественных настроений – «внешний», но главная причина народного гнева – неискренность

правительства. Кстати, новое правительство Испании достаточно резко поменяло внутривластный курс, но не внешнюю политику.

А вот как раз резкие смены внешнеполитического курса после смены власти – не такое уж частое явление: как правило, степень консенсуса крупных политических сил по вопросам внешней политики достаточно высока. Есть случаи, когда такую смену ждали от победителей выборов с резкой риторикой в отношении Евросоюза – популистов из «Братьев Италии» в 2022 г. или греческой СИРИЗЫ (Коалиции радикальных левых – Прогрессивный альянс) в 2015 г., но в реальности их внешнеполитический курс оказался достаточно конструктивным. Конечно, изменения по отдельным пунктам внешнеполитической повестки происходят: «правые» и «левые» по-разному смотрят на проблему изменения климата, а это вопрос не только внутренней, но и внешней политики.

Все же случаи резких поворотов бывают. Например, США после трех последних выборов с участием Д. Трампа. И, кстати, недавно избранные «правые» президенты латиноамериканских стран: Бразилии – Ж. Болсонару (2019), Аргентины – Х. Милей (2023) – достаточно резко пошли на сближение с Д. Трампом. Того же следует ожидать от еще не вступившего в должность победителя президентских выборов в Чили Х. Каста.

С.М. Электоральные процессы в США – один из Ваших научных приоритетов. Вы много писали про уникальность американской избирательной и партийной системы¹. Как эта специфика влияет на различные внешнеполитические проекты США? В начале декабря 2025 г. администрация Д. Трампа обнародовала новую Стратегию национальной безопасности². Многие комментаторы отметили отход ее авторов от привычных для документов такого рода дефиниций, оценок и установок³. Можно ли говорить о том, что обновление Стратегии национальной безопасности – прямое следствие итогов президентских выборов 2024 года? И ожидать ли нам новых «хороших и разных» Стратегий после каждого избирательного цикла?

Б.М. Американский культуролог У. Мид в своей известной работе⁴ приводит такую аллюзию на внешнеполитический курс США: за штурвал борются четверо дюжих матросов (представляющих четыре разные традиции), один из них дорывается до штурвала и закладывает курс влево, потом его оттесняет другой, поворачивает вправо, корабль идет галсами, но в целом – вперед. Эти «рулевые» – курсы разных президентов.

Осмелюсь интерпретировать У. Мида: в 2024 г. поражение Демократической партии привело к смене «вильсоновской» традиции, опиравшейся на международные институты, на сочетание «джефферсоновской» и «джексонской» традиций⁵. Первая из них – фактически изоляционистская, опирающаяся в первую

1 Макаренко, Б.И. Эволюция электоральных коалиций в США: опыт трех президентских кампаний // Полис. Политические исследования. 2025. № 4. С. 7–22. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.04.02>.

2 “National Security Strategy of the United States of America,” Whitehouse.gov, November 2025, accessed December 25, 2025, <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>.

3 Ответы официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопросы СМИ относительно новой «Стратегии национальной безопасности США» // МИД России. 8 декабря 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2064143/ (дата обращения: 20.12.2025).

4 Mead, Walter R. *Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World*. New York, London: Routledge, 2001.

5 По именам соответственно 28-ого, 3-его и 7-ого президентов США: В.Вильсона, Т.Джефферсона и Э.Джексона.

очередь на внутривнутриполитические интересы, вторая – популистская, готовая применить военную силу, но лишь тогда, когда есть уверенность в своем полном превосходстве.

Что касается новой стратегии, тот же У. Мид назвал ее «скорее манифестом, чем стратегией... хаотичной, энергичной, порой – дисфункциональной»¹. Потому что эта стратегия – пример второго типа взаимовлияния внутренней и внешней политики: правопопулистская внутренняя повестка Д. Трампа «сделать Америку вновь великой» требует, с одной стороны, большего изоляционизма, с другой – содействия правым популистам в других странах. Не случайно Д. Трамп в интервью изданию *Politico* прямо заявил, что «будет поддерживать предпочитаемых кандидатов на европейских выборах, даже рискуя задеть чувства местных избирателей»². И все-таки каждый новый президент будет рулить кораблем внешней политики по-своему.

С.М. Сегодня в связи с «феноменом Трампа», а также из-за участвовавших электоральных успехов партий, не связанных с политическим мейнстримом («Альтернатива для Германии», «Национальный фронт» во Франции)³, исследователи говорят о кризисе и даже сломе традиционных партийно-политических систем и фронтальном наступлении популизма. Как Вы определяете это явление? Популизм – это вызов для стабильности, потрясение основ или проснувшийся «глас народа»? И популисты уже изменили международную повестку?

Б.М. Итальянский политолог А. Мартинелли назвал популизм «симптомом болезней демократии»⁴. Об этих болезнях можно рассказывать долго, но ограничимся главным: западные общества испытывают сильное разочарование от того, что делают их власти, причем смена «левоцентристского» правительства на «правоцентристское» (или наоборот) мало что меняет – а потому на выборах многие из таких разочаровавшихся поддерживают силы, резко отличающиеся от «системных». Причин тому несколько, но выделим одну, имеющую прямое отношение к внешней политике: антиглобалистский настрой. В Европе он приводит к подъему «евроскептицизма», присущего (хотя и в разных формах) и правым, и левым популистам. В нем есть прямая связь с электоральными процессами. Многие недовольны, что с развитием евроинтеграции все большая доля политических решений принимается не национальными правительствами (избираемыми, т.е. избиратель может их «наказать», проголосовав против), а бюрократической бюрократией. На институты Евросоюза избиратель повлиять не может. Есть и более глубокая связь: многие десятилетия глобалистско-либеральная экономическая модель давала основной массе населения ощутимые материальные и социальные блага, и на ее издержки обращалось мало внимания. Но уже почти два десятилетия это не так – и традиционные системные партии решить эту проблему не могут.

1 Walter Russell Mead. "Introducing the 'Trump Corollary,'" *The Wall Street Journal*, December 8, 2025, accessed December 15, 2025, <https://www.wsj.com/opinion/introducing-the-trump-corollary-b2b0d4ad>.

2 Alexander Burns, "Trump Thrashes European Leaders in Wide-Ranging Interview: 'I Think They are Weak,'" *Politico*, December 9, 2025, accessed December 15, 2025, <https://www.yahoo.com/news/articles/trump-thrashes-european-leaders-wide-110000828.html>.

3 Stavrakakis, Yannis, and Giorgos Katsambekis, eds. *Research Handbook on Populism*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2024.

4 Martinelli, Alberto. *Populism on the Rise: Democracies under Challenge?* Milano: Edizioni Epoca, 2016. P. 113.

Подъем популизма очень заметен. По нашим подсчетам, по 16 странам «старой Европы» за последние четыре цикла парламентских выборов доля мандатов популистов в парламентах выросла почти вдвое: с 11% до 20%¹. Они все чаще входят в правительственные коалиции, значимо влияют на политическую повестку, т.е. «теснят» традиционные системные партии.

Но я бы воздержался от максималистских и алармистских оценок по нескольким причинам. Во-первых, популисты, расширяя политическую повестку дня, во многих случаях побуждают прийти на избирательные участки граждан, которые раньше голосовали редко или не голосовали вообще – до подъема популизма во многих западных странах, напротив, явка на выборы имела тенденцию к снижению.

Во-вторых, хотя популистский подъем продолжается, самый громкий внешнеполитический успех популистов – дело прошлое. Речь о британском референдуме по «Брекзиту» (2016). Этот референдум – пример влияния внешнеполитической проблематики на электоральные процессы. Консервативный премьер-министр Д. Кэмерон пообещал в случае победы его партии на выборах провести такой референдум: он опасался роста конкуренции со стороны правопопулистской Партии независимости Соединенного Королевства. Кстати, нынешняя инкарнация этой партии – «Реформировать Соединенное Королевство» – на выборах 2024 г. заняла третье место по числу полученных голосов. Правда, мандатов у них оказалось всего пять (мажоритарная избирательная система сработала), но зато они отняли много голосов у консерваторов, что способствовало убедительной победе Лейбористской партии. Кстати, в последние полгода «Реформа» лидирует в рейтингах с солидным отрывом².

Хотя евроскептицизм остается козырем популистских программ, он изменился: радикальные требования выхода страны из Евросоюза («Грекзит», «Фрекзит» и т.п.) ушли на задний план, сменившись критикой и требованием реформ этого союза, но не его развала.

В-третьих, популистские партии очень разные как по степени радикализма, так и по траекториям эволюции политического поведения. Выше приводились примеры итальянских (правых) и греческих (левых) популистов, которые возглавили правительства, но проводили вполне конструктивную политическую линию. Есть немало других примеров, когда популистские партии входили в правительственную коалицию и работали в ней – не без конфликтов (а где вы видели бесконфликтное коалиционное правительство), но и не провоцируя политических кризисов – например, в Норвегии или Финляндии. Конечно, бывало, что именно правые популисты громкие кризисы и провоцировали (одноименные Партии свободы в Австрии и Нидерландах). Есть радикальные правопопулистские партии, которые никогда не входили в правительства и не сотрудничали с ними, но на сегодня имеют высокие рейтинги, так что следующие выборы будут для системных партий серьезным испытанием. Это и Национальное объединение

1 Статья Б.И. Макаренко на эту тему принята к публикации в журнале «Политическая наука».

2 "The Populists of Reform UK, Already Topping the Polls, May Climb Higher," *The Economist*, December 11, 2025, accessed December 15, 2025, <https://www.economist.com/briefing/2025/12/11/the-populists-of-reform-uk-already-topping-the-polls-may-climb-higher>.

(бывший Национальный фронт) во Франции, и «Альтернатива для Германии», и упомянутая «Реформировать Соединенное Королевство». Это и менее известные «Фламандский интерес» в Бельгии или «Чега» в Португалии.

Наконец, в-четвертых: да, радикальных, ксенофобских, авторитарных замашек у правых популистов немало (левые популисты куда менее «политически некорректны»). Но все же почти без исключений они «играют по правилам» политической конкуренции, не стремятся к демонтажу политических институтов (хотя могут их «попортить»), нередко – умеряют свой радикализм, надеясь таким способом расширить свою электоральную базу.

На внешнеполитическую повестку подъем популизма, конечно, влияет, но пока это влияние скорее умеренное (если не считать «Брекзита»).

С.М. В 1997 г. Вы перевели на русский язык работу А. Лейпхарта «Демократия в многосоставных обществах»¹. Этот известный исследователь описывал феномен «многосоставного общества», социума с политизированными (а потому конфликтогенными) этнокультурными сегментами. В таких обществах, как правило, социальные институты (образование, СМИ, культурная сфера, НПО, партии и др.) «имеют тенденцию консолидироваться вдоль линий сегментарного политического противостояния». И мы видели, сколь часто в таких условиях возникают этнополитические и гражданские конфликты. Их география широка (от Ливана до Украины и от Кипра до Кавказа). Каково значение выборных процедур в таких обществах? Помогают ли они профилактике, купированию противоречий и урегулированию уже возникших конфликтов? Или выборы в таких обществах – только триггеры противостояний?

Б.М. Этот вопрос к внешней политике имеет отношение только частично. Да, есть случаи, когда сегмент общества (как правило, но не всегда, компактно проживающий) настроен на отделение или ирредентизм² – присоединение меньшинства к этническим «братьям» в соседней стране. Упомянутый Вами Кипр – пример такой ирреденты, свойственной в прошлом обеим общинам острова – и греческой, и турецкой. Кстати, раз мы об этом заговорили: подобных примеров немало на посткоммунистическом пространстве. Обратите внимание: из трех десятков посткоммунистических стран только Россия избрала федеративное устройство государства – потому что у нее огромный исторический опыт управления этнически многосоставным населением, она «не боится» дать этническим сегментам территориальную политическую автономию. У наших соседей, некоторые из которых тоже этнически многосоставны, были сильны опасения, что автономия станет первым шагом к сецессии. И нельзя сказать, что опасения эти лишены оснований. Вспомним, что Каталония, получившая в процессе демократизации в Испании (1979) статус автономии, в 2017 г. попыталась выйти из испанского государства и провозгласить независимость.

Еще одна оговорка: «сегменты» делятся по этнокультурным основаниям часто, но не всегда. Например, Швейцария – страна этнически неоднородная и, кстати, единственная по сей день сохраняющая чисто общественную систему

1 Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.

2 От движения конца XIX – начала XX в. за присоединение к Италии территорий Австро-Венгерской империи, на которых проживало италогворящее население.

организации власти. Но «сегменты» в Швейцарии – это не немецкая, французская и итальянская общины, а политические субкультуры – «правые», «левые», либералы, позже еще и «зеленые» появились.

В остальном же общественность – это действительно институционализация политических сегментов, подразумевающая участие в выборах сегментарных партий и, подчеркнем, раздел – по особым правилам – власти между этими партиями, правительства «больших коалиций». Кстати, Россия намеренно строила и строит систему политического представительства, исключая сегментирование на этнической, конфессиональной или территориальной основе. Все наши партии имеют общенациональный характер. И она далеко не одинока в таком подходе, в нем есть много своих «плюсов», как есть серьезные «минусы» у моделей сегментарного представительства. Идеальных политических и избирательных систем не бывает.

Избирательные процедуры в такой модели «очерчивают» сегменты (с очень умеренной вариативностью от выборов к выборам). А. Лейпхарт не случайно пишет именно о демократиях, ее применяющих, показывая, что демократии весьма хрупки и слишком острая политическая конкуренция могла бы их дестабилизировать и эту неустойчивую демократичность разрушить. А потому неоднородные сегменты получают гарантии политического представительства в обмен на побуждение (а отчасти и принуждение) к сотрудничеству и совместной работе во власти. Только в таком сотрудничестве, как отмечали авторы классической работы¹, могут родиться институты и навыки «мирной конкуренции» и управления конфликтами, т.е. демократии.

А вот это когда получается, когда – нет. Все четыре «главных» примера А. Лейпхарта сегодня – устойчивые демократии. В Швейцарии, как упоминалось ранее, общественная модель сохраняется и сегодня, в остальных трех (Австрия, Нидерланды, Бельгия) кропотливый политолог найдет элементы наследия общественности в «политических нравах», но не более того. Кипр «взорвался» гражданской войной еще в 1970-е гг.: сегодня греческая часть Кипра – демократия, а турки живут в северо-восточной части острова, независимость которой не признает в мире никто, кроме Турции. Десятилетиями длилась гражданская война в Ливане. Есть (в т.ч. в самой книге А. Лейпхарта) и другие примеры неудач общественности, в большинстве своем «жертвами» этих неудач оказывались и демократический строй, и многие жители. Добавим, если у политических лидеров сегмента нет твердой установки именно на демократизацию и мирный раздел власти, шансы на эффективность общественных механизмов мизерны. Из современных примеров – это Босния и Герцеговина или Ирак. Первая сохраняет единство лишь благодаря протекторату Евросоюза. Во втором – Курдистан сохраняет лишь формальное единство с Багдадом.

Но чтобы не заканчивать на пессимистической ноте: подходы, основанные на разделе власти и принуждении к сотрудничеству неоднородных сегментов, безусловно, востребованы и при определенных условиях действенны. Это не

1 Schmitter, Philippe C., and Terry Karl. "What Democracy Is... and Is Not." *Journal of Democracy*, no. 2 (1991): 75–88. <https://doi.org/10.1353/jod.1991.0033>.

только упомянутые четыре «классические» страны: напомним, в 90-е гг. прошлого века А. Лейпхарт (голландец по происхождению) привлекался к разработке модели транзита от апартеида в ЮАР (где большинство белого населения – африканеры – потомки переселенцев из Нидерландов), и этот транзит оказался небезуспешным.

С.М. Картина получается сложной и неоднозначной, как, наверное, все в политике – и внутренней, и внешней. Подводя итог, можно ли сказать, что в стране с многопартийностью и конкурентными выборами внешняя политика отличается какими-то особенностями?

Б.М. Хотелось бы обратить внимание на сторонников теории международных отношений, утверждающих, что «демократии не воюют с демократиями». Традиция подобной научной мысли давняя, восходящая к трактату И. Канта «К вечному миру»¹. Аргументы этой теории понятны и отнюдь не бессмысленны: демократически избранные правители чувствуют свою ответственность перед избирателями, а потому более склонны искать мирные пути решения конфликтов. Впрочем, всегда есть множество нюансов...

И дело не в том, что сторонники *Realpolitik* основную роль в международных отношениях отводят силе. Даже если мы примем на веру подобный подход, придется признать: демократии часто воюют с недемократиями, причем нередко первыми начинают конфликт. Не говоря о том, что некоторые демократии владели огромными колониальными империями, а сегодня зачастую действуют в отношении более слабых стран методами, далекими от джентельменских. В этом контексте вспоминается известный афоризм: «Джентльмен к западу от Суэца не отвечает за то, что делает джентльмен к востоку от Суэца».

И демократии шли на дипломатические и военные авантюры, увязали в безнадежных войнах, несли колоссальные издержки за свои ошибки. Даже не буду приводить примеров – они очевидны, да это и слишком далеко бы вышло за рамки темы нашей беседы.

И все же некоторые положительные особенности внешней политики у стран с сильными плюралистическими институтами есть. Ответственность перед обществом в них политики несут по крайней мере тем, что их могут «наказать», лишив поддержки на следующих выборах. Выше мы приводили примеры, как два президента США не стали выдвигаться на перевыборы, а еще двое поплатились досрочным завершением карьеры. А греческая СИРИЗА, победив на евроскептической платформе в 2015 г., на выборах 2019 г. потерпела поражение потому, что, вопреки обещаниям, пошла на уступки Евросоюзу. Впрочем, это как раз повод вспомнить известное высказывание американского теолога Дж. Кларка²: «Политик думает о следующих выборах, государственный деятель – о следующих поколениях». СИРИЗА поступила как «государственный деятель», а не «политик».

Вторая особенность: в демократиях внешняя политика, как и внутренняя, конечно, находится под пристальным вниманием и подвергается критике со стороны оппозиции, независимых СМИ, гражданского общества. Гарантий от

1 Kant, Immanuel. *Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf*. Königsberg: Friedrich Nicolovius, 1795. http://davidmhart.com/liberty/Books/1795-Kant_EwigenFrieden/Kant_ZumEwigenFrieden_1795-ebook.pdf.

2 Порой встречающаяся атрибуция этого высказывания У. Черчиллю не находит подтверждения в источниках.

ошибок это не дает, но все же при прочих равных снижает их риски. Имеет значение сменяемость власти. Сама по себе она тоже не дает гарантий, что следующий руководитель внешней политики будет мудрее или добродетельней нынешнего. Напротив, при растущем влиянии радикальных популистских партий и лидеров нельзя исключать (хотя бы гипотетически), что они придут к власти – с непредсказуемой как внешней, так и внутренней политикой. Но все же завершим нашу беседу аллюзией и вспомним матросов, борющихся за штурвал: курс корабля получается извилистый, но движущийся вперед.

Цитирование

Макаренко, Б.И. Выборные процедуры и партийно-политические системы: международное измерение // *Международная аналитика*. 2025. Том 16 (4). С. 11–20.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-11-20>

For citation

Makarenko, Boris I. "Electoral Processes and Party-Political Systems: An International Dimension."
Journal of International Analytics 16, no. 4 (2025): 11–20.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-11-20>